

Информация для цитирования:

Бадмаева Е. Н. Трансформация жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость в имперский и советский периоды / Е. Н. Бадмаева, В. В. Батыров // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 409—426. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-409-426.

Badmaeva, E. N., Batyrov, V. V. (2023). Transformation of Kalmyk Dwellings during Their Transfer to Settled Life in Imperial and Soviet Periods. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 409-426. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-409-426. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-409-426

Трансформация жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость в имперский и советский периоды

Бадмаева Екатерина Николаевна *

orcid.org/0000-0002-4472-5535

доктор исторических наук,
директор Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве»

* *корреспондирующий автор*

en-badmaeva@yandex.ru

Батыров Валерий Владимирович

orcid.org/0000-0001-9014-4910

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра всеобщей истории
valerabatyrov@yandex.ru

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX — середина XX веков)»

Transformation of Kalmyk Dwellings during Their Transfer to Settled Life in Imperial and Soviet Periods

Ekaterina N. Badmaeva *

orcid.org/0000-0002-4472-5535

Doctor of History, Associate Professor,
Director, International Scientific Center
“Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space”

* *Corresponding author*

en-badmaeva@yandex.ru

Valery V. Batyrov

orcid.org/0000-0001-9014-4910

PhD in History, Associate Professor,
Department of General History
valerabatyrov@yandex.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 22-18-00313 “Transformation of nomadic societies in the South of Russia in the context of natural and climatic factors (XIX — mid-XX centuries)”

© Бадмаева Е. Н., Батыров В. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается процесс трансформации калмыцких жилищ в условиях перевода скотоводов-кочевников на оседлый образ жизни в имперский и советский периоды. Отмечается, что войлочные кибитки строились для постоянного семейного проживания и обладали рядом полезных функций: доступностью, дешевизной материалов (войлока; и лишь некоторые детали жилища изготавливались из дерева), экологичностью. Сообщается, что в первые годы советской власти скотоводы стали массово переходить на оседлость и в основном самостоятельно возводить новые советские поселки с жилищами — мазанками. Для их строительства использовались глина, камыш, природный камень и дерево. Авторы статьи показывают в хронологическом порядке изменения конструктивных особенностей жилищ. Проводится их типологизация и сравнительный анализ. Первоначально кочевой образ жизни степняка-калмыка вызвал необходимость появления сборно-разборного мобильного и надежного укрытия в виде кибитки. Перейдя на оседлый образ жизни, калмыки приспособились к суровым условиям степи без кочевания, создали современное стационарное жилье из камышитово-саманного материала (спрессованные стебли камыша или глина с добавлением соломы). В настоящее время многими состоятельными сельскими калмыками воспроизводится, в силу ментальных установок, калмыцкий войлочный дом — кибитка — для приема гостей.

Ключевые слова:

Калмыкия; жилище; кибитка; саманные постройки; камышитовые постройки; советская модернизация; оседлый образ жизни.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the process of transformation of Kalmyk dwellings in the context of the transition of nomadic herders to settled life during the Imperial and Soviet periods. It is noted that felt dwelling (“kibitka”) were built for permanent family residence and had a range of useful functions: accessibility, low cost of materials (felt; with only some details made of wood), and ecological sustainability. The authors report that in the early years of Soviet power, herders began to transition en masse to settled life and independently built new Soviet settlements with houses made of mud and reeds called “mazankas”. The article shows changes in the structural features of dwellings in chronological order, typologizes them, and conducts a comparative analysis. Initially, the nomadic lifestyle of the Kalmyk steppe dwellers necessitated the development of a mobile and reliable shelter in the form of a kibitka. Transitioning to settled life, the Kalmyks adapted to the harsh conditions of the steppe without nomadism and created modern stationary housing made of reed-sand material (compressed reed stems or clay mixed with straw). Currently, many wealthy rural Kalmyks reproduce the Kalmyk felt house — a kibitka — for entertaining guests due to their mental attitudes.

Key words:

Kalmykia; dwelling; kibitka; adobe buildings; reed buildings; Soviet modernization; settled life.

Трансформация жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость в имперский и советский периоды

© Бадмаева Е. Н., Батыров В. В., 2023

1. Введение = Introduction

Актуальность исследования обусловлена тем, что впервые авторы рассматривают проблему жилищного строительства кочевников в имперский и советский периоды. Конструкция советского жилища (мазанка) скотоводов — постройка в виде домика из самана и камыша квалифицировалась современниками как изобретение местных умельцев, но в своей основе она опиралась на многовековой опыт предыдущих поколений. Саманные постройки, как войлочные кибитки предшествующего этапа жизни кочевников-скотоводов, строились для постоянного семейного проживания и объединяли в себе ряд полезных функций: максимально сохраняли тепло в зимнее время, прохладу в летний зной. В обеих конструкциях основным строительным материалом являлся дешевый и доступный подручный материал, в первом — войлок, выделяемый местными мастерами, которым обвязывалась вся кибитка, во втором — глина и песок, солома и камыш. Если при возведении войлочных кибиток минимально использовалось дерево, в основном из него делалась обрешетка, то при строительстве мазанок из самана применялись как деревянные изделия, так и природные камни для возведения фундамента и цоколя. В настоящем исследовании, обратившись к изучению жилища кочевников-скотоводов, мы рассматриваем его в синхронном разрезе, оцениваем диахронический (исторический) контекст данного зафиксированного в архивных материалах явления.

Цель исследования и его научная проблематика — показать на основе представленных материалов последовательность изменений в конструктивном объекте — жилище калмыцкого кочевника. В значительной мере, насколько позволяют источники, в статье затрагивается хронологический аспект. Представленный предмет исследования рассматривается нами в ретроспективе, что соответствует исследовательской задаче — показать обоснованную цепочку изменений жилищных конструкций и различных вариантов конструктивных решений, произвести их предварительную типологизацию и сравнительный анализ. Вполне естественно, что в начале

исследования мы обращаемся к более отдаленному времени, обоснованно предполагая, что рассматриваемый материальный синтез имеет глубокие истоки. Далее мы рассматриваем историческую эпоху, непосредственно соприкасающуюся с советским жилищным строительством. При оценке его уникальности объектом изучения становится предметная среда советского периода, отмеченного глубокими модернизационными сдвигами.

Географические рамки исследования — Калмыкия и часть прилегающих территорий, где в имперский период проживали локальные группы калмыков-кочевников.

Источниковая база исследования опирается прежде всего на опубликованные работы, среди которых присутствуют аналитические и описательные статьи. Особую ценность представляют документальные материалы, выявленные авторами в Национальном архиве Республики Калмыкия. Используются полевые наблюдения авторов, сделанные ими в ходе и в результате различных экспедиций по региону.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящее время в современной науке распространен анализ наблюдаемых исторических явлений предметного мира в диахронном разрезе. Это объясняется тем, что применение диахронического метода диктуется сложностью связей и взаимодействий между явлениями и процессами, происходящими в общественной жизни. Например, чтобы понять причину и характер проведения советской модернизации у кочевых народов (на примере жилищного строительства), необходимо проанализировать социально-экономическое положение кочевников в имперский период и в первые десятилетия советской власти. Логика исследования привела нас к рассмотрению вопроса о влиянии природно-климатических факторов на повседневный быт кочевников, значительно изменившийся в ходе советской модернизации.

В дореволюционный период описание кочевого жилища нашло отражение в трудах Н. И. Страхова, Н. А. Нефедьева, Ф. А. Бюлера, П. И. Небольсин, И. В. Бентковский и др. [Страхов, 1810; Нефедьев, 1834; Бюлер, 1846; Небольсин, 1852]. Особое место в этом ряду занимает И. А. Житецкий [Житецкий, 1892], который по результатам проведенных исследований опубликовал книгу «Астраханские калмыки», где подробно описал конструкцию и убранство калмыцкой кибитки.

В советской историографии нет обобщающих трудов по трансформации или смене традиционного жилища в первые послереволюционные десятилетия; данная проблема не нашла в ней должного отражения. Между тем именно в этот период происходили глобальные модернизационные

изменения, в том числе образе жизни, которые кардинальным образом коснулись кочевников-скотоводов. Номады стали постепенно переходить от обитания в легко разбираемых, переносных войлочных кибитках к проживанию в специально построенных при советской власти стационарных жилищах. Данный процесс перехода к оседлости сложен с точки зрения болезненной ломки психологии вчерашнего кочевника и интересен с точки зрения изменения видовой эволюции хозяйственной деятельности степняка. Историки в основном не углублялись в суть этой сложной социально-экономической проблемы, к примеру, известный этнограф У. Э. Эрдниев упоминал лишь о первых опытах постройки стационарных жилищ [Эрдниев, 1970].

В начале 2000 года вышел в свет фундаментальный 3-х томный труд по истории Калмыкии [История Калмыкии с древнейших времен до наших дней, 2009], в котором один из авторов, К. Н. Максимов, описывает строительство жилых домов в новых поселках в контексте проведения коллективизации сельского хозяйства и перехода кочевого населения на оседлый образ жизни.

Поддержка советского государства в форме выделения денежного кредита на постройку жилища кочевникам в период голодного бедствия 1921 и 1933 годов исследована Е. Н. Бадмаевой [Бадмаева, 2006; Бадмаева, 2010]. В более поздние периоды выходили работы, в которых упоминались сведения о строительстве стационарного жилья в Калмыкии в контексте перехода кочевых калмыков на оседлость [Батыров, 2016].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Традиционное жилище калмыцких скотоводов в имперский период

Традиционное жилище калмыцких скотоводов в конце 1920 — 1930-е годы не отвечало современным требованиям в рамках модернизационных установок советского государства на изменение форм общественного строя, а именно — на переход кочевников на оседлость. Это было связано с тем, что содержание скота при экстенсивных методах хозяйствования было возможным только на обширных территориях, в связи с чем были необходимы постоянные кочевья с места на место и наличие соответствующего атрибута — легко разбираемых кибиток, предназначенных для жилья кочевников. До XIX века основным типом жилища у калмыков была кибитка *ишкя гер* (букв. войлочный дом), которая наиболее всего подходила для кочевой жизни. Конструкция кибитки была довольно простая: она состояла всего из шести решеток *терме*, двери, шестидесяти шестов *унин* и круглого дымохода *харачи*. Войлочное жилище легко и быстро собиралось

и разбирались, а его конструктивные части могли компактно складываться и транспортироваться на неограниченные расстояния. Для транспортировки калмыцкой кибитки и домашней утвари требовалось до шести верблюдов [НА РК, ф. 145, оп. 1, д. 132, л. 2].

При этом данное идеальное для кочевников жилище имело определенные недостатки. Так, бытовые условия проживания в кибитке были достаточно тяжелые. В зимнее время температура в кибитках была не намного выше температуры внешней окружающей среды. Летом в кибитке было немного прохладнее, чем на улице, но зато страдало качество воздуха в ней от повышенного уровня углекислого газа и влажности. Поэтому в летнее время калмыки старались проводить время вне кибитки, находясь под ее тенью, и даже ночью спали со всей семьей на открытом воздухе. Чтобы не нагрелся воздух в кибитке, кочевники готовили еду на улице, на специально устроенном очаге с помощью заранее заготовленного кизяка. В дождливую погоду кошма кибитки зачастую промокала и пропускала влагу внутрь помещения; при высыхании войлока наблюдалось повышение влажности в помещении, появлялся «неприятный запах от сырых кошм». Ко всему прочему многие исследователи отмечали также стойкий специфический запах, свойственный калмыцкому жилищу: смесь запаха дыма от кизяка, кислого молока и скота. Зимой, когда потребность в перекочевках практически отсутствовала, кочевая кибитка устанавливалась в местах, по возможности защищенных от прямого воздействия ветра и снега, а для лучшей теплоизоляции основание жилища часто обкапывалось землей или, в редких случаях, покрывалось двойным слоем кошм. Следует отметить, что обедневшие калмыки, которые не имели средств на покупку кибитки, приобретали только конусообразную часть кибитки *джолон*.

У калмыцких кочевников-скотоводов по мере уменьшения территории кочевий в XIX веке стали отмечаться некоторые нововведения при транспортировке кибитки. Так, попечитель Малодербетовского улуса В. Хлебников подметил, что для перевозки кибитки стали употреблять возы, запряженные парой быков или верблюдом: «<Кибитка> в течение часа может быть разобрана, сложена на один воз, запряженный парой быков или верблюдом» [НМ РК, ф. В. А. Хлебникова, К.П. 6795/252, л. 27]. Также русский попечитель заметил, что в зимнее время «около кибитки устраиваются базы для скота; кибитки ставятся теснее друг ко другу» [Там же]. Кошмы для жилища калмыки изготавливали своими силами, но деревянный остов кибитки покупался на ярмарках или в хурулах, при которых работали плотники. Стоимость обычной кибитки в конце XIX века достигала значительной суммы от 80 до 100 руб. В эту цену входили: дымоход — 3 руб., дверь — 3 руб., решетки — 15 руб. На ценность войлочного дома,

кроме размеров, влияло еще качество и цвет кошмы. Так, семьи калмыцкой аристократии, буддийские иерархи и состоятельные простолюдины имели возможность покрывать свою кибитку прочными белыми кошмами; семьи среднего достатка — серыми или черными. Кибитка или *джолон* более бедных кочевников покрывались кошмами в небольшом количестве (часто дырявыми) [Там же].

Начавшийся в XIX веке кризис калмыцкого кочевого скотоводства способствовал переходу номадов с первой трети указанного столетия к полукочевому, а затем базовому (стойловому) скотоводству. Упрочение данного процесса являлось практически единственным способом адаптации калмыков к сложным природно-климатическим условиям территории, к условиям нехватки пастбищных земель в результате обострившегося земельного «голода» в Калмыцкой степи, вызванного переездом в регион русских крестьян. В связи с этим заметно ухудшилось материальное положение кочевников-скотоводов. Об этом свидетельствует сложившаяся с середины XIX века до начала XX века практика, когда в летний период калмыки кочевали в степи используя в качестве жилья относительно дешевый джолум, а зиму проводили в землянках или глинобитных домах. Это обходилось заметно дешевле, чем покупать и обслуживать войлочную кибитку [НА РК, ф. 9, оп. 7, д. 1937, л. 21].

Многие степняки, стремясь сократить расстояние от запасов заготовленного корма для скота, стали строить хутора с небольшими деревянными и глинобитными кухнями и базами для скота. Это привело к тому, что в какой-то период в Калмыцкой степи стали встречаться семьи с двумя местами оседлости: одно — постоянное в калмыцком хотоне (калмыцкое поселение. — *Е. Б., В. Б.*), другое — временное, возле запасенных на зиму кормов. При этом зачастую сам глава семьи проживал в поселке, а на хуторе возле скота находились его сыновья и работники. Однако нехватка стационарного жилья, обустроенных скотных базов, а также суровые климатические условия территории не позволяли повсеместно быстро перейти в Калмыцкой степи к интенсивным методам ведения скотоводства, к оседлому образу жизни кочевого населения. Тем не менее одними из первых стали переходить на оседлость жители Хошутовского улуса, когда в 1822 году «улусовладелец Тюмень-джиргалан купил землю в Енотаевском уезде у помещика Сушкова, называемую Черная гряды, для поселения калмыков» [НА РК, ф. 9, оп. 4, д. 96, л. 1]. В поместье он построил для себя стационарное жилье, затем примеру улусовладельца последовали его сородичи. В первой половине XIX века жилищное строительство в Калмыкии находилось под влиянием архитектуры деревень и сел Юга России, где местное население, по преимуществу русско-украинское, строило жилища

из камня, кирпича и дерева, у которых калмыки и перенимали опыт подобного строительства. Главную роль в выборе места для строительства калмыками стационарного жилья играла близость к крупным городам или реке Волге, что позволяло, к примеру, калмыкам северных и восточных улусов покупать и собирать готовые деревянные дома, которые сплавлялись в разобранном виде с верховий Волги. В более отдаленных районах Калмыцкой степи стоимость транспортировки делала строительство стационарного жилья недоступным, в частности, для жителей западных, центральных и южных улусов. Так, в 1848 году в отдаленных Малодербетовском, Хошеутовском и Багацохуровском улусах был 291 деревянный дом и всего 19 кирпичных, в остальных улусах их количество и вовсе было незначительным [НА РК, ф. 9, оп. 2, д. 12, л. 56.]. Поэтому калмыки строили первоначально в своих улусах самые примитивные виды жилища — землянки.

Новый этап в развитии стационарных построек у калмыков наступил после издания указа императора Николая I от 30 декабря 1846 года «О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии». Кочевники на примере заселения дорог в Калмыцкой степи крестьянами-переселенцами из Южной России и Украины и строительства стационарного жилища для постоянного проживания в нем должны были осмыслить все преимущества оседлой жизни. Переселенцы открыли для калмыков технологию изготовления саманного кирпича, который стал основным строительным материалом. О том, что саманный тип жилища был ранее особо не распространен в Калмыкии, говорит тот факт, что в начале XIX века в Калмыцкой степи не было ни одного глинобитного жилища [НА РК, ф. 9, оп. 7, д. 1937, л. 60]. Калмыки познакомились с целым рядом малоизвестных в степи типов жилища: саманно-блочная хата, саманно-литая (глинобитная) и мазанка. Изобилие глины в степи, как основного строительного материала, сделало эти типы жилища наиболее распространенными и доступными в Калмыкии. Как справедливо отмечает И. В. Лиджиева, в условиях Калмыцкой степи нехватка дерева и других материалов диктовала калмыкам необходимость приспособления жилища к своим климато-географическим условиям и в соответствии со своими представлениями о жилище [Лиджиева и др., 2021, с. 72].

Опыт строительства стационарного жилища у калмыков был небольшим, поэтому осознание важности постройки фундамента строения пришло не сразу. Многие калмыцкие дома довоенной постройки либо не имели фундамента, либо имели его в самой рудиментарной форме по причине дороговизны таких материалов, как камень или кирпич. Специфической особенностью изготовления самана калмыками являлось то, что они до-

бавляли в кирпичную смесь навоз. В построенных калмыками домах сами стены в силу особенностей природно-климатических условий территории (жаркого лета и морозной зимы) обычно имели толщину от 35 до 60 см и клались с соблюдением перевязки на глиняном растворе. Крыша была двухскатной из соломы, камыша или дранки. Крышу калмыки также делали из глины (делали каркас, который обмазывали глиной).

При наличии локальных и субэтнических особенностей интерьер жилища был однотипным. В глинобитных домах калмыков, повторяя пространство традиционного жилища — кибитки, отсутствовали перегородки, а в центре дома ставилась трех- или пяти-ходовая печь. Только в конце XIX — начале XX веков под влиянием соседнего русского населения у калмыков стали постепенно появляться тканевые занавески, а затем и полноценные перегородки, которые делили дом на комнаты.

С первой половины XIX века на процесс жилищного строительства у калмыков, помимо объективных процессов развития калмыцкого скотоводства, большое влияние оказывала имперская политика. Чиновники российской администрации особое внимание уделяли мероприятиям по переводу калмыков на оседлый образ жизни. Так, среди прочего, в годовом отчете Астраханской палаты государственных имуществ по Ордынскому отделению за 1848 год присутствовал отдельный пункт: «Оседлость калмыков и русских крестьян переселенцев». Согласно этому отчету, в калмыцких улусах было построено 67 домов, в том числе 22 дома из необожженного кирпича, 36 деревянных. Из них только 9 деревянных были построены калмыками [НА РК, ф. 9, оп. 2, д. 12, л. 27]. По мере интенсификации процессов перехода калмыцкого населения к полукочевому, а затем базовому (стойловому) скотоводству неуклонно росло число стационарных построек. В 1871 году в Калмыцкой степи насчитывалось 2 каменных дома, 483 деревянных дома, 32 глинобитных дома, 62 дома из земляного кирпича, и 559 мазанок [НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 14, л. 25—26].

В конце XIX века вопрос о седентеризации калмыков несколько потерял свою былую актуальность. В отчетах чиновников Управления калмыцким народом (УКН) исчезли даже упоминания о мероприятиях по переводу калмыков на оседлый образ жизни. Вместе с тем в отчетах все же имеются сведения о количестве домов в улусах. Общее число жилых построек в Калмыцкой степи выросло до 2—3 тысяч единиц. Так, в ведомости о числе домов и других строений в калмыцких улусах за 1889 год отмечалось наличие 2569 домов. Каменных (кирпичных) домов по-прежнему было небольшое количество — всего 5 единиц. Выросло количество деревянных домов — 803, из них 205 домов было построено в северной части Малодербетовского улуса, 323 — в Яндыко-Мочажном улусе, 97 — в Ба-

гацохуровском улусе. В Калмыцкой степи имелось 363 глинобитных дома, из них 250 домов было построено в северной части Малодербетовского улуса, 60 — в Икицохуровском улусе и 40 — в Яндыко-Мочажном улусе. Из землелитного кирпича было построено 225 домов, из них 150 домов в северной части Малодербетовского улуса и 75 домов в южной части Малодербетовского улуса. Наиболее популярным и распространенным видом жилища кочевого населения стали мазанки, которых насчитывалось 1173 единицы, из них 617 мазанок числилось в Александровском улусе, 243 — в Яндыко-Мочажном улусе, 155 — в южной части Малодербетовского улуса [НА РК, ф. 9, оп. 6, д. 30, л. 69—70]. В Эркетеневском, Ики-Цохуровском и Харахусовском улусах почти не было стационарных жилищ, что лишний раз свидетельствует о том, что не все улусы степного региона перешли к оседлому образу. Тем не менее можно сказать, что развитие процесса оседлости в Калмыцкой степи попутно вызвало бурное развитие ремесленного производства, когда на местах стали появляться ранее не присущиеномадам профессии, такие как печники, плотники, столяры и др.

К началу XX века у калмыков насчитывалось 488 деревянных и 3470 глинобитных жилищ и землянок [Материалы ..., 1910, с. 816, 835]. Наибольшее количество оседлого населения проживало в северной и западной части Малодербетовского улуса, Хошеутовском улусе и юго-восточной части Яндыко-Мочажного улуса. Почти полностью перешло на использование стационарного жилья население Большедербетовского и Хошеутовского улусов. И только в некоторых улусах в повседневном обиходе кочевого населения вплоть до 20—30-х годов XX века продолжала господствовать кибитка.

3.2. Жилищное строительство калмыцких крестьян с переходом на оседлость в 1920—1930-е годы

Процесс приобщения калмыцких кочевников к оседлому образу жизни продолжился в послереволюционный период, одним из важнейших факторов которого являлось строительство стационарных жилищ. Советское государство на первых порах еще не имело возможности выделения финансовых средств на строительное дело, потому возведение собственного жилья возлагалось на самих крестьян. В первые годы советской власти послевоенная разруха привела к тому, что калмыки стали нуждаться в поддержке государства в форме выделения денежного кредита на постройку собственного жилища, особенно в период голодных бедствий 1921 и 1933 годов [Бадмаева, 2006, с. 24]. Однако выданной крестьянам денежной помощи на строительство индивидуального жилья явно не хватало. В 1923 году государство смогло предоставить ссуду на 1 хозяйство лишь

в размере от 250 до 500 руб., при этом ссудополучатели использовали на жилищное строительство лишь 11,30 % от этой суммы (остальное тратилось на приобретение скота и сельхозинвентаря). При этом местные власти не имели возможности доставить нуждающимся крестьянам строительные материалы, в том числе организовать его закупку. В основном строительством домов для постоянного места жительства занимались калмыки-крестьяне, переселившиеся из соседних губерний. Причем необходимый материал для саманных построек крестьяне покупали на свои личные сбережения, в основном это был лес со старых построек из окрестных русских сел [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 5].

Жилищное строительство в Калмыкии в это время велось не столь активно, как планировалось государством, но тем не менее в 1928 году началась масштабная стройка столицы Калмыцкой автономной области — г. Элисты. В ходе строительства обнаружилось множество нарушений, в частности, отсутствовала проектная документация по водопользованию, не было необходимых согласований с контролирующими органами по регулированию вопросов использования и охраны вод. Строительная комиссия при Президиуме Нижне-Волжского Крайисполкома отмечала: «Строительство г. Элисты было начато до окончания изыскания на воду <...> необходимо не останавливать подготовку к строительному сезону 1929/1930 г. и всемерно форсировать глубинное бурение», параллельно провести до начала строительного сезона дебет верхнего водоносного слоя, «без чего к строительству 1929/1930 г. не приступать» [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 7]. Тем не менее, несмотря на то, что не решена была проблема водообеспечения нового города в степи, строительство столицы автономной области началось и продолжилось бурными темпами.

Основной упор делался на возведение административных зданий, при этом на первых порах в план строительства города не включался ряд важнейших сооружений: медицинские учреждения, школы и др. Предусматривалось строительство индивидуального жилья только для прибывающих в город специалистов государственного и партийного аппарата. Жилищное строительство в городе осуществлялось без учета мероприятий по осушению территорий, имеющих высокий уровень стояния грунтовых вод на отдельных участках, путем устройства дренажа; разбивки и проектирования улиц в жилой застройке; озеленения придомовых полос и палисадников. В пятилетнем плане строительства города совершенно не отражались элементы общественного быта и не были предусмотрены расходы по благоустройству города, такие как на энергетику, теплоснабжение и пр., что являлось своего рода инновацией в бытовом обустройстве вчерашних кочевников-скотоводов.

Тем не менее, несмотря на недочеты, строительный сезон 1929/1930 года все же решено было начать и расширить строительство с дополнительным финансированием в 2400 тыс. руб. [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 7, 9]. В 1929 году из-за нехватки рабочих рук, профессиональных специалистов, недостаточного градостроительного опыта не удалось полностью освоить выделенные финансовые средства, что вызывало беспокойство краевых властей (Калмыцкая автономная область (КАО) в это время входила в состав Нижне-Волжского края), отмечавших в одном из своих постановлений недопустимость частичного выполнения плана строительства города: на конец октября 1929 года — выполнено 53 %. По концу года план по строительству города был выполнен только на 70 %, из выделенных средств удалось освоить лишь 238 тыс. руб.

Негативным фактором, тормозившим интенсивное строительство города, явилась несвоевременная доставка стройматериалов. Из-за бюрократических проволочек договоры на поставку лесоматериалов, заключенные в сентябре 1929 года, были аннулированы постановлением СНК, из-за чего распределение стройматериалов Крайторготделом и Краевой пятеркой затянулось. Только в апреле 1930 года на основе полной разверстки удалось подписать новые договоры на поставку строительных материалов. Строительные работы неоднократно приостанавливались также из-за нехватки кирпичей, цемента, завозимых из других близлежащих регионов. В целях выхода из создавшегося критического положения в 1930 году на специальном заседании строительной комиссии при Президиуме Нижне-Волжского края было внесено официальное предложение: рекомендовать при строительстве жилых помещений в Калмыкии использовать камыш и глину, как основной местный строительный материал. В резолюции комиссии указывалось — признать, «тип каркасного строительства с заполнением пустот бетонным камнем в условиях дефицитности железа и цемента не рациональным, предложить областному исполкому в дальнейшем в максимальной степени использовать применение местного строительного материала: глину, камышит и кирпич» [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1329, л. 7]. Эти рекомендации краевой комиссии были даны исходя из сложных природно-климатических условий региона: по мнению специалистов, камышитовые и глиняные постройки создавали более комфортные условия для проживания калмыков-кочевников, а также значительно удешевляли стоимость стройматериалов и тем самым убыстряли ход строительных работ. Таким образом, за 1928/1929 год из местного материала (камыша и глины) был построен 51 дом, и на 1929/1930 год поступило 57 заявок на строительство камышитовых домов [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1329, л. 112]. Большим недостатком при обустройстве жилья в городе Элисте являлось отсутствие

постоянного водоснабжения. Силами отдела местного хозяйства Калмыцкой автономной области (КАО) удалось провести коптаж (расчистка выхода родника и устранение препятствий для выхода воды на поверхность) отдельных родников из подручных материалов вблизи г. Элисты, также хозяйственники запланировали строительство в будущем двух мощных водосборных колодцев.

В начале 1930-х годов некоторые обустроенные хотоны и построенные новые поселки стали административными, хозяйственными и культурными центрами, где в ходе седентаризации в годы коллективизации сельского хозяйства образовались колхозы, например, Ницян и Бергин в Приволжском улусе, Улан-Хол в Долбанском улусе и др.

В целом по области объем строительства в 1930/1931 году составил 331 тыс. руб. Подготовка к строительному сезону задерживалась из-за отсутствия квалифицированных строителей, недостаточного штата и несвоевременного выделения кредита. Только к 20 мая 1930 года было выполнено 90 % эскизных проектов и 74 % рабочих чертежей [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1329, л. 110].

В 1932 году активное жилищное строительство в КАО также вовремя не началось, хотя из государственного бюджета власти выделили 295 тыс. руб. в указанном году было намечено строить жилье и социальные объекты в местах оживленной седентаризации калмыков. Задержка начала строительных работ в этих местах связана с тем, что местные власти только в октябре 1932 года фактически закупили аварийный лес в Сталинграде. Другая причина — удаленность объектов строительства от места приобретения строительных материалов, составлявшая несколько сот километров, к тому же негативным образом влияли бездорожье и существенный недостаток соответствующего для перевозки стройматериалов транспорта. Понимая, что основной причиной задержки начала строительства в калмыцкой глубинке является дефицит заводных строительных материалов, Президиум Нижне-Волжского исполкома своим решением обязал строительные организации — Всесоюзный лесной синдикат, Сталинградский завод облицовочного кирпича и др. — завезти материалы в указанные в договорах сроки, учитывая особенности степного региона, а именно — особые трудности в снабжении лесом [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1329, л. 9].

В следующем 1933 году, в период засухи и неурожая хлебов, поддержка граждан по подпрограмме «Жилье и мелиоративные работы» составила 193,4 тыс. руб. из государственного и местного бюджетов. В последующие два года финансирование поступало только из госбюджета. За 1932—1935 годы на жилищное строительство было выделено

578,4 тыс. руб. из средств местного, а также — преимущественно — из федерального бюджета [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 7].

В 1933—1934 годах силами местных строителей было произведено жилищное строительство в местах оседания кочевников: в Центральном (2 точки) и Черноземельском (1 точка) улусах. Построено 67 жилых домов, из них 4-квартирных — 10 домов, двухквартирных — 51 и 2 одноквартирных, перевезенных готовыми блоками. К моменту строительства жилых домов по Программе перехода на оседлый образ жизни в колхозах Бага-Чонос, Ленинском и Яшкуль уже имелась необходимая для жизнеобеспечения населения инфраструктура: сельский совет, правление колхоза, изба-читальня. В п. Яшкуль — самом многочисленном жилом массиве степного региона — находились школа-интернат, школа, электростанция, 3 медицинских учреждения (больница, вендиспансер, ветеринарная амбулатория). В выборе административных, культурно-хозяйственных центров определяющими факторами являлись сравнительно благоприятные природно-климатические условия для проживания людей. Существенная роль отводилась возможности быстрого и малозатратного решения вопроса водообеспечения населения, домашних животных, при этом учитывалась пригодность сельскохозяйственных земель в экстремальных условиях природы вокруг построенных поселков.

Строительство индивидуального жилья и объектов социальной сферы в КАО тормозилось из-за отсутствия специальных механизмов для изготовления необходимого стройматериала. Поэтому в первое время за счет бюджетных средств, выделенных улусам, производилась «распиловка стройматериалов на строительном дворе возле Сталинграда (лес поступал в основном круглый)» [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 8]. Но уже в 1934 году строительный двор был организован возле Астрахани в п. Кануково, где, помимо распиловки строительного леса, велось изготовление стандартных частей и деревянных срубов для шахтных колодцев.

В 1935 году жилищное строительство в Калмыкии активно не развивалось ввиду отсутствия нарядов на строительные материалы. Приходилось использовать местные материалы, а также тот стройматериал, который обменивался по бартеру на произведенную сельчанами сельхозпродукцию. Так, в Долбанском улусе велась работа по подготовке точек оседания, выразившаяся в заготовке камыша для строительства, в сооружении 6 шахтных колодцев и оборудовании 3 плотин (дамбы) с целью концентрации населения в определенной местности, примыкающей к Прикаспийским ильменям. Строительство домов в возводимых населенных пунктах планировалось «в деревянном каркасе из камыша, с обмазкой и побелкой сна-

ружи и внутри. Для Приволжского улуса жилой дом саманный. Крыши глино-камышитовые. Жилой дом из 2-х комнат: кухня и чистая комната. Пол в кухне глинобитный, в чистой комнате деревянный. В тамбуре холодная прихожая и кладовка. Стоимость 1 куба строения: камышово-каркасного — 21 руб. 02 коп., саманного — 18 руб. 30 коп. Надворные постройки будут возводиться самими колхозниками, за их счет и главным образом из местных стройматериалов» (НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 9). По плану местного руководства, жилые индивидуальные дома должны были строиться с таким расчетом: на 1 квартиру, состоящую из 5 членов семьи, — 184 кв. м; сарай — 28 кв. м; баз для скота — 54 кв. м. Инфраструктуру поселка завершала запроектированная деревянная баня на 130 кв. м на 10 чел. [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 9].

По однотипному проекту строилось жилье и в других улусах КАО. Как отмечается в архивных материалах, «в Манычском улусе построено 5 поселков, которые были распланированы в натуре, проекты жилищных домов давались уполномоченными и строительство более или менее однотипно» [НА РК, ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 5]. В 1939 году в данном улусе из 736 хозяйств, перешедших на оседлый образ жизни, только половина кочевников смогла построить жилье для собственного проживания.

В период активной трансформации кочевого общества и перехода его на оседлый образ жизни отмечается изменение традиционной культуры и культурных стереотипов, которому следовали калмыки-кочевники, что отразилось на конструкции его жилища.

4. Заключение = Conclusions

Кочевой образ жизни степняка-калмыка, устоявшийся на протяжении многих веков, вызвал необходимость появления сборно-разборного укрытия в виде кибитки. Данное жилище помогало выживать кочевнику в суровых, а часто и экстремальных природных условиях, то есть в наиболее хрупких и уязвимых экосистемах планеты. Войлочная юрта спасала кочевников-скотоводов зимой, когда на открытом пространстве свирепствовали сильные морозы и холодные ветра. В жаркую погоду кибитка избавляла кочевников от палящего зноя, служила домашним очагом для членов многочисленной калмыцкой семьи. Сборно-разборное устройство кибитки обеспечивало мобильность передвижения кочевников, постоянно озабоченных поиском новых богатых пастбищ для своего скота. Кибитка кочевников-калмыков представляет собой особый вид кочевой архитектуры, который создавался в тесной связи с ландшафтом формирования этноса. Как справедливо отметили современные исследователи К. В. Куксин, З. И. Гордеева, «за несколько тысяч лет развития кочевой цивилизации

номады научились жить в этих ландшафтах, не нарушая экологического равновесия» [Куксин и др., 2015, с. 43]. Можно без преувеличения сказать, что походный дом — юрта, в том числе калмыцкая кибитка, является одним из величайших изобретений, подаренных миру кочевниками.

Кроме войлочного дома, калмыки, перешедшие к оседлости в XIX — первой половине XX вв., создали оригинальный тип глинобитного жилища на основе синтеза собственных познаний в области биоразнообразия природы и творческого заимствования у оседлых народов Северного Кавказа и Поволжья. Широкое распространение глинобитных жилищ у калмыцкого населения стало ответом на кризис кочевого хозяйства и позволило калмыкам приспособиться к суровым условиям степи без постоянных кочевок. Политика седентаризации, усиленно проводимая советским правительством в 1930-е годы, формировала условия для оседания кочевого калмыцкого населения и создания более эффективного современного стационарного жилья из местных материалов.

Итак, эволюцию мобильной кибитки калмыков завершал камышитово-саманный дом советской постройки. Однако это не означало, что бывшие кочевники утратили память о мобильных сборно-разборных кибитках. Даже в условиях массового перехода номадов на оседлый образ жизни и строительства стационарных жилищ в 1930-е годы калмыцкий *ишка гер* (войлочный дом) существовал параллельно в быту степняков, и калмыки пользовались данным видом жилища практически до начала Великой Отечественной войны. Соответствующие поведенческие навыки и ментальные установки сохранились и до наших дней. Думается, что в настоящее время они не зря воспроизводятся во многих частных сельских домах для приема гостей и во время проведения больших семейных торжеств, во время массовых гуляний и мероприятий, что, несомненно, говорит о возрождении калмыцких народных традиций.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. НА РК — *Национальный архив Республики Калмыкия*. Ф. 9 «Управление калмыцким народом» 1836—1917 гг. ; Ф. Р-3 «Центральный Исполнительный Комитет Калмыцкой АССР» 1916—1942 гг. ; Ф. Р-145 «Личный фонд Пальмова Николая Николаевича, профессора» 1872—1934 гг.

2. НМ РК — *Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова*. Фонд В. А. Хлебникова. К.П. 6795/252 «Калмыки».

Литература

1. *Бадмаева Е. Н.* Нижнее Поволжье : опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921—1933 гг.) : монография / Е. Н. Бадмаева. — Элиста : НПП Джангар, 2010. — 544 с. — ISBN: 978-5-94587-430-5.
2. *Бадмаева Е. Н.* Калмыкия в начале 1920-х гг. : голод и преодоление его последствий / Е. Н. Бадмаева. — Элиста : НПП Джангар, 2006. — 182 с. — ISBN: 5-94587-174-X.
3. *Батыров В. В.* Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX вв. / В. В. Батыров. — Элиста : КИГИ РАН, 2016. — 226 с. — ISBN: 978-5-903833-70-2.
4. *Бентковский И. В.* Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса / И. В. Бентковский // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1868. — Вып. I. — С. 84.
5. *Бюлер Ф. А.* Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт / Ф. А. Бюлер // Отечественные записки. — Санкт-Петербург : типография И. Глазунова и К., 1846. — Отд. 2, Т. 47. — 412 с.
6. *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Репринтное издание / И. А. Житецкий. — Элиста, 1991. — 260 с.
7. *История* Калмыкии с древнейших времен до наших дней : в 3 т. / Российская акад. наук, Калмыцкий ин-т гуманитарных исслед. РАН ; редкол. : К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова [и др.]. — Элиста : Герел, 2009.
8. *Куксин К. В.* Традиционные жилища кочевых народов и их адаптация к ландшафтным условиям (на примере юрт монголов и казахов) / К. В. Куксин, З. И. Гордеева // Социально-экологические технологии — 2015. — № 1—2. — С. 39—44.
9. *Лиджиева И. В.* Стационарные постройки на территории кочевых инородцев: строительство ставок приставов (попечителей) / И. В. Лиджиева, И. Н. Содномова // Nomadic civilization: historical research (Кочевая цивилизация: исторические исследования). — 2021. — № 1 (1) — С. 66—78. — DOI: 10.53315/2782-3377-2021-1-1-66-78.
10. *Материалы* статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии : в 2 ч. — Астрахань, 1910. — Ч. 2. — 777 с.
11. *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса / П. И. Небольсин. — Санкт-Петербург : Типография Карла Крайя, 1852. — 192 с.
12. *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым / Н. А. Нефедьев. — Санкт-Петербург : Типография Карла Крайя, 1834. — 314 с.
13. *Страхов Н. И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением Калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин / Н. И. Страхов. — Санкт-Петербург : тип. Шнора, 1810. — 95 с.
14. *Эрдниев У. Э.* Калмыки (конец XIX — начало XX вв.) : историко-этнографические очерки / У. Э. Эрдниев. — Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1970. — 312 с.

*Статья поступила в редакцию 02.03.2023,
одобрена после рецензирования 04.05.2023,
подготовлена к публикации 08.06.2023.*

Material resources

- NA RK — *National Archive of the Republic of Kalmykia: Governance of the Kalmyk people.* (In Russ.).
- NM RK — *N. N. Palmov National Museum of the Republic of Kalmykia.* V. A. Khlebnikov Foundation. (In Russ.).

References

- Badmaeva, E. N. (2006). *Kalmykia in the early 1920s: famine and overcoming its consequences.* Elista: NPP Dzhangar. 182 p. ISBN: 5-94587-174-X. (In Russ.).
- Badmaeva, E. N. (2010). *Lower Volga region: experience and results of the implementation of state policy in the socio-economic sphere (1921—1933):* monograph. Elista: NPP Dzhangar. 544 p. ISBN: 978-5-94587-430-5. (In Russ.).
- Batyrov, V. V. (2016). *Essays on the history of traditional Kalmyk culture in the second half of the 19th century.* Elista: KIGI RAN. 226 p. ISBN: 978-5-903833-70-2. (In Russ.).
- Bentkovskiy, I. V. (1868). Housing and food of the Kalmyks of the Bolshederbetovskiy ulus. In: *Collection of statistical information about the Stavropol province.* Stavropol. Iss. I. P. 84. (In Russ.).
- Byuler, F. A. (1846). Foreigners nomadic and settled in the Astrakhan province. Their history and real life. In: *Otechestvennye zapiski.* St. Petersburg: printing house I. Glazunov & K. Iss. 47 (2). 412 p. (In Russ.).
- Erdniev, U. E. (1970). *Kalmyks (late 19th — early 20th centuries): historical and ethnographic essays.* Elista: Kalmyk book publishing house. 312 p. (In Russ.).
- Kuksin, K. V., Gordeeva, Z. I. (2015). Traditional dwellings of nomadic peoples and their adaptation to landscape conditions (on the example of the yurts of the Mongols and Kazakhs). *Environment and Human: Ecological Studies, 1—2:* 39—44. (In Russ.).
- Lidzhieva, I. V., Sodnomova, I. N. (2021). Stationary buildings on the territory of nomadic foreigners: construction of bailiffs (trustees). *Nomadic civilization: historical research, 1 (1):* 66—78. DOI: 10.53315/2782-3377-2021-1-1-66-78. (In Russ.).
- Maksimov, K. N., Ochirova, N. G. et al. (eds.). (2009). *History of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 vol.* Elista: Gerel. (In Russ.).
- Materials of the statistical-economic and natural-historical survey of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province.* (1910). Astrakhan. Parts 2. 777 p. (In Russ.).
- Nebolsin, P. I. (1852). *Essays on the life of the Kalmyks in the Khosheutovskiy ulus.* St. Petersburg: printing house of Karl Kray. 192 p. (In Russ.).
- Nefediev, N. A. (1834). *Detailed information about the Volga Kalmyks collected on the spot by N. Nefediev.* St. Petersburg: printing house of Karl Kray. 314 p. (In Russ.).
- Strakhov, N. I. (1810). *The current state of the Kalmyk people with the addition of Kalmyk laws and legal proceedings, ten rules of their faith, prayer, moralizing story, fairy tales, proverbs and songs Savardin.* St. Petersburg: Schnore printing house. 95 p. (In Russ.).
- Zhitetskiy, I. A. (1991). *Essays on the life of the Astrakhan Kalmyks. Reprint edition.* Elista. 260 p. (In Russ.).

*The article was submitted 02.03.2023;
approved after reviewing 04.05.2023;
accepted for publication 08.06.2023.*